

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 39

1981

Бэгзийн ЯВУУХУЛАН

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

С Т И Х И

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 39

Бэгзийн ЯВУУХУЛАН

ПОЛДЕНЬ

СТИХИ

Перевод с монгольского

Москва. Издательство «ПРАВДА»

1981

Бэгзийн ЯВУУХУЛАН

Бэгзийн Явуухулан родился в 1929 году в западной Монголии в семье скотовода-охотника. Закончил финансовый техникум и одно время работал бухгалтером.

Начал писать очень рано, но публиковаться стал в центральных газетах и журналах в конце сороковых годов. Первая его книга была напечатана в 1954 году под названием «Наша мечта» в Улан-Баторе. За ней последовали книги «Звон серебряной уздечки», «Луна, переночевавшая со мной», «Стоянка горного козла», «Полуденное небо», «Серебряное утро осени», «Шар земной» и другие. Эти книги неоднократно переиздавались в Монголии и за рубежом.

Он один из популярнейших поэтов современного Востока. Его стихи переведены на языки более 60 народов мира.

Б. Явуухулан закончил Литературный институт имени А. М. Горького в 1959 году. Советские читатели впервые познакомились с его творчеством, когда вышла в свет книга на русском языке «Лирика», выпущенная издательством «Иностранная литература» (ныне «Прогресс») в 1960 году.

Бэгзийн Явуухулан член МНРП с 1962 года.

Он лауреат Государственной премии МНР и заслуженный деятель культуры МНР.

Видный поэт и общественный деятель, Бэгзийн Явуухулан постоянно участвует в конференциях писателей Азии и Африки. Является секретарем Союза монгольских писателей.

* * *

Цветок, прекраснейший из всех,
Сорвал я на лугу.
Напев родных моих степей
До смерти сберегу.
Быстрейшего среди коней
Я в табуне поймал,
И девушку, что всех милей,
В степи я повстречал.

Воды из горных родников
Прозрачней в мире нет,
Мудрее наших стариков
Не видел белый свет!
В краю родном познал я страсть,
Что всех страстей сильней:
Родиться, жить, расти, любить
В Монголии моей!

ГДЕ Я РОДИЛСЯ

Я родился владыкою синего неба без края,
Где далекие звезды роса на цветах повторяет,
Где над черной равниной кочуют ночные светила,
Где ни звери, ни птицы достичь горизонта не в силах.

Да, владыкой бездонного неба на свет я родился!

Я на свет появился хозяином гор и ущелий,
Где рождаются тучи во мраке высоких расселин,
Где снега голубые у самого солнца искрятся,—
Грозен мирный сарлык¹, когда камни от стужи крошатся.

Да, хозяином гор недоступных на свет я родился!

¹ Сарлык — смесь буйвола и яка.

Я родился на свет, чтоб владеть этой далью степною,
Где, миражем маня, оживает пустыня весной,
Где верблюды ревут, от угара любовного стонут,
Там, где временем след динозавра доселе не тронут!

Да, владыкой степей необъятных на свет я родился!

Я на свет появился владыкой реки светлорунной,
Где волна серебристая плещется полночью лунной,—
Пыль смывали с тяжелых копыт эти быстрые воды,
Когда предки мои возвращались из дальних походов.

Да, хозяином рек светлорунных на свет я родился!

Я родился владыкой покровов душистой полыни,—
От горячего солнца густой аромат ее хлынет,
Эдельвейсы разбудит, волною пройдет над лугами
Там, где травы густые чуть слышно шумят под ногами.

Да, хозяином пряных покровов на свет я родился!

Я родился хозяином юрты своей белоснежной,—
В дымник облако легкое смотрит свободно и нежно,
И очаг, будто сердце влюбленное, жарко пылает,
Где веками монголы свой род на земле продолжают.

Да, владетелем лебедя-юрты на свет я родился!

Я владыкой любви темноглазой монголки родился,—
Мягкий терлик¹ вокруг ее тонкого стана обвился,
Край подола пропах молоком и степными цветами,
Первой страсти слова молчаливыми скрыты устами.

Да, владыкою сердца монголки на свет я родился!

По степям беспредельным рассыпались дикие кони,
Словно бубен гигантский, земля под копытами стонет!
Сквозь пустыню гобийскую мчатся куланы стрелою —
Жарким ветром оседлан, несется табун к водопою.

Да, владыкой коней ветрогривых на свет я родился!

¹ Терлик — платье, женская одежда.

Я родился владыкой весеннего щедрого ливня,
Небосвод мой пронзают отточенной молнии клинья,
Облака дождевые, подобно зонтам, проплывают,
И спокойная радуга радостью мир обнимает!

Да, хозяином гроз и дождей на земле я родился!

Я родился владыкой старинных напевов монголки.
Славлю добрый обычай: на хадаке¹ синего шелка
Угощение подносят, и в тихой мелодии древней
Вековая печаль и томленье любовное дремлет.

Да, владыкой напевов старинных на свет я родился!

Я родился хозяином жизни, подобной восходу,
В лоне дружной семьи моего трудового народа,
Где с улыбками люди спешат на работу,
Чтоб делить со странюю и радость труда и заботы.

Да, хозяином нового строя на свет я родился!

Я Страную Лазури владею с минуты рожденья,
Краем Синих Монголов, как небо высокое, древним.
Революции вихрь огневой разбудил эти степи,
Отряхнула страна моя рабства тяжелые цепи.

Да, поистине, в Крае Лазурных Небес я родился!

УЛАН-БАТОР

Мой Улан-Батор — светлокрылый голубь,
Бессмертный образ, золотой цветок!
Дворец жемчужный над рекою Толой² —
Ты окна открываешь на восток,

И солнце восходящее дробится
В росе на белоснежных лепестках...
Растут цветы и распевают птицы,
Где тьма жила в глухих монастырях.

¹ Хадак — шелковый платок.

² Тола — река в Улан-Баторе.

Ты — Млечный Путь у оснований горных,
В твоей земле великой предки спят.
Под ветром северным торжественно и гордо
Колышется знамен победных ряд.

Огонь, от очага отцов зажженный,
Вздымает к солнцу мощная рука,
Что первой в Азии свободу миллионам
Дала и указала путь в века.

Ты — сад весенний, песнями богатый,
В котором дети наши — соловьи.
Тебя, мой город, славный Сухэ-Батор
Освободил для счастья и любви.

Подобно мудрой бабке повивальной,
Потомков на ладони примешь ты,
Чтоб в путь земной и в путь небесный, дальний
Отправить сыновей на зов мечты.

Ты — колыбель монгольского народа,
Дорога к солнцу, всадник на коне,
Очаг священный родины свободной.
Твой пульс горячий — пламя в тагане.

Ты ожил под руками человека
И голубем взлетаешь над землей.
Твой светлый облик отражают реки,
Прекрасный город, Улан-Батор мой!

УТРО РОДИНЫ

И дождь прошел, и говор голубиный
день огласил, и свод небес ясней,
и зоревеет...

В образе любимой
я вижу утро родины моей.
Шагаю, вдохновленный днем погожим,
по улицам столицы молодым.
Всего-то ночь не видел их
и все же
соскучился, похоже, я по ним.

По-утреннему легкою походкой
шагаем, каждый по своим делам,
и встречного приветствуем в охотку,
как друга: «С добрым утром!» —

«Наше вам...»

Прозрачным утром, вымытая ливнем,
земля под солнцем млеет:

хорошо!

И ты, шагая средь людей счастливых,
сам молодеешь телом и душой.

Черемуха цветет у поворота —
как парус, устремившийся в полет.

О жизнь!

Судьба моя — в судьбе народа.
Недаром сердце радостно поет.

И как не петь!

Любовь к родному краю
меня несла на песенной волне,
как ласточка, я духом воспаряю.
Да жить и жить нам, думается мне.
Иду

в избытке чувств невыразимых
навстречу нови солнечного дня,
готов не только собственного сына,
но каждого из встречных я обнять!
Осколками стекла листва сверкает,
промокших воробьев задорный гам.
А солнышко-то жару подбавляет.
А люди — каждый по своим делам...
Есть в этом изначально смысл глубинный.
Вот почему,

лишь свет — вновь у дверей,
я ежедневно в образе любимой
встречаю утро родины моей.

ВЕРШИНА АЛТАЯ

Пик тишины, вместилище покоя,
Перед тобой небесный океан,
И волны облаков седой грядюю
Идут к тебе, могучий великан.

Владыка древних гор, венец Алтая,
Тебе под гнетом неба тяжело,
Испарина ложится ледяная
На белое могучее чело.

КАРТИНА

На землю снежную спустилось
Кочевье белых облаков —
Вновь утро снежное сгустилось
И брызнуло, как молоко.

Лишь там, по северному склону,
Слегка темнеет леса тень —
И кажется, что путник сонный,
Проснувшись, входит в новый день.

Как шелк, разостланный швеею,
Лазурь небесная лежит,
И лайнер линией прямою
Ее стремительно кроит.

ЗИМНИЙ ВОЗДУХ

В мир опрокинулась
Утра хрустальная чаша —
Там подо мной аргамак
И резвится, и пляшет!..

Воздух студеный,
Подобно кумысу, струится
Из молока быстроногой
Степной кобылицы!..

Свет белизною надоя
Раздвинул преграды...
Стужа проходит по жилам
Прозрачным сархадом¹.

Ветер свистит,
И горячую грудь освежают
Воздуха вдохи,
Сравненья которым не знаю!

¹ Сархад — водка, вино.

МЕРЦАЮЩИЕ ЗВЕЗДЫ

Подобно тому, как луна
Поднимается в небо,
Являешься ты, излучая
Надежду и нежность.

Подобно далекой звезды
Голубому мерцанью,
Трепещут ресницы твои,
Когда рядом дыханье.

Подобно оно тому, как играет
В степи свежий ветер,
Я счастлив уже оттого,
Что живешь ты на свете!

НОЧНАЯ ГРОЗА

Ночная гулкая гроза
Шумит, по крышам бродит.
Попробую закрыть глаза —
Она мой сон уведит...

Короткого затишья жду
И погружаюсь в дрему,
Но снова, как в больном бреду,
Прислушиваюсь к грому.

То дробью дождь летит в окно,
То ветер в двери рвется,
И сон уходит стороной,
Как солнце из колодца.

Бессонница играла мной
До самого рассвета,
Летала молнией сквозной,
Как шмель в разгаре лета...

Спустился поутру с крыльца —
Гроза уже умчалась.
От теплых слез с ее лица
Лишь лужица осталась.

ПЕСНЯ ЛУННОЙ НОЧИ

Земля всегда была светла —
Сменяло солнце месяц.
Твоя любовь меня нашла
И поселилась в сердце.

Сияет вечная луна
На небосводе синем —
Так всех затмила ты одна
Красой необъяснимой.

Как человек в луну влюблен
Над ласковой землею —
Я речью милой покорен,
Мелодией степною.

Земля всегда была светла —
Сменяло солнце месяц.
Моя любовь тебя нашла
И поселилась в сердце.

ЮРТА

Ветер юрту белую вдали,
Видно, хочет унести с земли:

Машет юрта белым подолом,
Точно лебедь белая крылом.

Мое сердце тронула печаль,
Я тревожно всматриваюсь в даль:

Вдруг, и правда, ветер украдет
Юрту, где любимая живет?..

ТВОЯ ЛЮБОВЬ

Луна из часа в час полней.
Как ей, расти любви моей.

А ты дика, тиха при мне,
Как лотос при луне.

Не знаю я, исчезнет ли
Росинкою с земли,

Иль будет каплей дождевой,
Сомкнувшейся с рекой,

Твоя любовь.

РОЩА У ТОЛЫ

Дуновения ветра —
Как зайца порывистый бег!
На ветру этом чудном
Колышется роща у речки.
Приручила любовь мою
Ты незаметно к себе,
Словно горную лань,
Что от робкого шума трепещет.

По волне серебристой
Размашистый ветер пошел,
Полосатую спину коня
На скаку повторяя.
Я любовью свечусь,
Что нежна и надежна, как шелк,—
В сердце Млечным Путем
Это первое чувство сияет.

Дышат девственно степи...
Ты их превзошла красотой.
При тебе я невольню
Восторженный вздох подавляю.
Этой песни мелодия —
Словно цветочный настой,
Откровенье души,
Что летит над зеленою далью.

Набери мне из Толы
Холодной лазури воды,
Дай испить
Из серебряной чаши ладоней!
Пусть весенней порой
Расцветут молодые сады
Там, где степью владели
Лишь солнце да дикие кони!

Дуновения ветра —
Как зайца порывистый бег.
На ветру этом чудном
Колышется роща у речки.
Приручила любовь мою
Ты незаметно к себе,
Словно горную лань,
Что от робкого шума трепещет.

ЖЕНЕ

Тьмою звезд
Затянет небо.
Глянешь —
И готов.
Но выводит
К утру
Бродом
Светлый Млечный Шов.

Я, родная,
Жил немало.
Жизнь рвалась в пути.
Ты опять ее сшивала —
Мне с тобой идти.

МОНГОЛКА

Нежная монголочка-смуглянка!
Ты — в степи подснежник голубой.
Только миг — и солнце поцелует
Утренний раскосый горизонт.

Кроткая монголочка-смуглянка!
Ты — дорога к счастью для меня.
Заглянув улыбкой света в юрту,
Открываешь ты начало дня.

Милая монголочка-смуглянка!
Дочь родившегося под луной!
Мне судьба любить тебя до смерти,
Так же, как люблю я край родной!

ДУМА

Молодая луна — небосвода отрада.
Ну, а мне ничего, кроме милой, не надо.

Белый лебедь — жемчужина глади озерной,
Мне гораздо милей жемчуг глаз твоих черной.

Горделивый тюльпан — царь зеленого луга,
Моим сердцем владеет навеки подруга.

Стройный тополь красавцем леса нарекли,
Ну, а наша любовь — украшение земли.

НА ВЕРШИНЕ ХРЕБТА ЛУНА...

На вершине хребта луна
Себе на ночь приют нашла...
Ночевал я в степи, ждал тебя дотемна.
Отчего ты ко мне не пришла?

И зажглась надо мною звезда
И на запад к утру уплыла.
Своенравная, свет моего «навсегда»,
Отчего ты ко мне не пришла?

Родилась на востоке заря,
Золотые раскинув крыла.
Ждал всю ночь, ждал до первой росы я и — зря.
Отчего ты ко мне не пришла?

Скоро встретится с солнцем луна
И сгорит под лучами дотла.
Мое солнце, ведь солнце мое — ты одна,
Отчего ты ко мне не пришла?

Не пришла, как приходит рассвет,
Так стремительна и светла.
Не пришла, не пришла ко мне, нет тебя, нет!
Отчего ты ко мне не пришла?

ОСЕННЕЕ СЕРЕБРЯНОЕ УТРО

Продрог от утренней прохлады
Мой верный быстроногий конь.
Сквозь дымник брезжит, в юрту глядя,
Луча рассветного огонь.

Только миг — вскочу в седло,
Жаркой станет кровь коня!
Осень ясным серебром
Светится в начале дня!

Заметно холода дыханье,
На травы первый иней лег...
С любимой тяжко расставаньё,
Нет сил переступить порог.

Только миг — вскочу в седло,
Жаркой станет кровь коня!
Осень ясным серебром
Светится в начале дня!

У коновязи, в отдаленьи,
Неслышно стоя под луной,
От первой свежести осенней
Застыл мой верный вороной.

Только миг — вскочу в седло,
Жаркой станет кровь коня!
Осень ясным серебром
Светится в начале дня!

Когда прохладным ранним утром
Чуть слышно звякнут стремяна —
С коней сойдем у новой юрты,
Откроет полог нам она!

Только миг — вскочу в седло,
Жаркой станет кровь коня!
Осень ясным серебром
Светится в начале дня!

ХАНДА — ИМЯ ТВОЕ

Ты послушай, любимая, что говорю: Ханда!
Ты затмила своей красотой зарю, Ханда!
И когда пред тобою я робко стою, Ханда,
То ни солнца, ни месяца не узнаю, Ханда!

Нежно шею твою озаряет рассвет, Ханда!
Пред тобою бледнеет и маковый цвет, Ханда!

На руках золотой потускнеет браслет, Ханда!
Двум запястьям твоим обрамления нет, Ханда!

Словно стебель цветка лугового — твой стан, Ханда!
Легкой тенью улыбка скользит по устам, Ханда!
Сердцевины двух перьев павлиньих — глаза, Ханда!
По плечам твоим пряжи густые скользят, Ханда!

Грудь твою облегают послушно шелка, Ханда,
Полнотою упругой вздымаясь слегка, Ханда!
Встреча каждая наша мне счастье дарит, Ханда!
Верь любви, что отныне во мне говорит, Ханда!

Голос твой глубоко в мою душу запал, Ханда!
От речей твоих жарких я сам запылал, Ханда!
И огонь твоих слов очищает меня, Ханда!
Без тебя я — как месяц средь белого дня, Ханда!

Говорю: на земле этой долго живи, Ханда,
Что дарила нам пылкие годы любви, Ханда!
Слушай песню мою, и узнает весь свет, Ханда!
Что за имя покою, или я не поэт, Ханда!

ДОЖДЬ

Дождь полил долгожданный с небес,
Сушь пролил он из трещин земли,
Растревожил повянувший лес,
Распушил по степи ковыли.

Будут капли на солнце сверкать,
С листьев падая светлой росой,
Будто плачет от радости мать,
Что сынок возвратился домой.

НОЧЬ

Встретясь с солнышком золотым,
В горы ночь его прогнала,
В гнезда мраком своим густым
Загнала орла и щегла.

Нежной родинкой на челе
Робко в небе звезда цветет,
Ночь внимает шагам во мгле —
Не возлюбленный ли идет?

ГЛАЗА

Я видел в мире много-много глаз...

Их при луне любовь переполняла.
В них детская качалась колыбель.
Их обостряла лихорадка смерти.

Я видел их на свадьбе, у невесты
Готовыми от радости вспорхнуть,
Как бабочки, дождавшиеся лета.

...А есть глаза, напуганные тем,
Что без отца расти ребенок будет.

Я видел в мире много-много глаз:
У человека видел над могилой,
(их в глубь души утрата загнала).
И видел у слепца, чье зренье — в пальцах.

ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ

Я вышел в степь. Осеннего приволья
Повеяли широкие крыла.
Заметил после шумного застолья,
Что солнечная осень уплыла.

Уже кружатся листья надо мною
В безветрии последнего тепла...
Виски мои задеты сединою —
Так старость незаметно подошла.

Вернутся к голубому небу птицы,
И снова расцветет весна в садах.
Лишь юность, не успев со мной проститься,
Не прилетит обратно никогда.

ЗАКОН ЖИЗНИ

Говорят: те, кто искренне любят,
Часто в юности губят
Друг друга
Ненасытной ревнивой враждой,
Но проводят цветущие годы
Друг с подругой
Под крышей одной.

Говорят: те, кто искренне любят,
До седин этот пыл не остудят,
Друг подруге
Опорою будет
Вплоть до самой черты гробовой!

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

1

Кто слышал, чтоб была пьяна
Хмельная чаша от вина?
Кто знает сердце хоть одно,
Что от любви утомлено?

2

О, как речную ласточку мне жаль,
Что гнезда вьет поспешно, где попало.
И жаль наивной девушки печаль,
Что отдала любовь кому попало.

3

Встанет ослепительное солнце —
Звезды замерцают и погаснут.
Меркнут все былые увлеченья
Рядом с настоящей любовью.

4

Ярок зимнего солнца свет,
А тепла в лучах его нет.
Еле теплится жизнь в крови
У того, кто не знал любви.

Без тебя я — ночь без луны,
И глаза без тебя темны.
А когда ты рядом со мной,
Я — росистый цветок степной.

Обойди все леса — не найдешь
Дерева с ненадломленной веткой.
Обойди хоть весь свет — не найдешь
Человека с нераненым сердцем.

РАДУГА

Вот повисла низко над тобой
Радуга в лазури голубой.

Так она близка — рукой подать!
А попробуешь ее достать —

Дальше, дальше, дальше от тебя
Прячет тело гибкое свое.

Так с мечтой. Почти достиг ее —
Дальше, дальше, дальше от тебя...

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Обула ледяные сапоги,
Надела шубу белую из снега
И, бич схватив,
Сплетенный из пурги,
Хлестнула по коленям человека.

А он стоял, ненастие кляня,
Три дня,
Сто дней...
И на заре сегодня
Весна, с галопа осадив коня,
Ему, как другу, бросила поводья
И с юным пылом ринулась на бой,
Храня союз со степью и лесами.

Летели клочья шубы снеговой,
Зима рыдала мутными слезами,
И степь вздыхала гулко и свободно,—
И дальше, дальше двигалась весна.

По талии рекою многоводной,
Как лентой, опоясалась она.
И, распустив листву на каждой ветке,
Собрав все шумы, шорохи во тьме,
Она запела песнь о человеке,
Который жил,
Не кланяясь земле.

САКСАУЛ

Саксаул бредет в песках сожженных,
Может, сто, а может, тыщу лет,
Словно рыжий, рыжий верблюжонок,
Потерявший каравана след.

Месяц выплывает круторогий,
Ветер гикнул, замести грозя.
Где же, путник, след твоей дороги?
Где же, путник, все твои друзья?

И мне больно видеть, как, подобный
Человеку, что с пути свернул,
Он бредет через пустыню Гоби,
Одинокий, старый саксаул.

* * *

Все голо. Нет зелени в Гоби.
Весь мир был когда-то таким.
Ну что же, в далекие годы,
Ребенок, и я был нагим.

Я вырос. Теперь на мужчине
Костюм — хоть иди на парад.
Настала пора и пустыне
Одеться в зеленый наряд.

МАТЕРИ

Когда под окном — воплощение забот —
Усталая ласточка с кормом снует,
Я мать вспоминаю свою;

Когда на рассвете нырять в камыши
За уткой послушно плывут малыши,
Я мать вспоминаю свою;

Когда, ощутив материнства приход,
Для первенца женщина вяжет и шьет,
Я мать вспоминаю свою;

Когда молодая счастливая мать
Сынку помогает впервые шагать,
Я мать вспоминаю свою,

Когда, приподнявшись на цыпочки, мать
Пытается взрослого сына обнять,
Я мать вспоминаю свою;

Когда я подумаю, что на земле
Никто не заменит родимую мне,
Я мать вспоминаю свою.

У ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ

*Когда ж начну я вольный бег?
Пора покинуть скучный брег
Мне неприязненной стихии,
И средь полуденных зыбей,
Под небом Африки моей,
Вдыхать о сумрачной России,
Где я страдал, где я любил,
Где сердце я похоронил.*

А. С. Пушкин.

Я перед вами,
В инее деревья,
Но жжет мне сердце
Пушкинский глагол!

Со мной вы незнакомы.
Я монгол.
Степной монгол, сын дальнего кочевья.
Представьте, я, читатель ваших книг,
К вам от друзей монгольских — делегатом;
Воспетый вами друг степей — калмык
Приходится мне кровным братом!

И вот я здесь.
Молчание храня,
Чугунный,
Вы глядите на меня.
А на челе
Тех давних дней печать,
Когда по вольной
Океанской сини
Вы в Африку
Хотели убежать,
Живое сердце схоронив в России!
И кожа ваша звонкая темна
Не оттого, что вы из чугуна,
А оттого, что знойным солнцем юга
Издалека
Она обожжена!

Зима в Москве.
Глаза полны упорства,
Неугасим
Огонь суровых глаз, —
Вы не бежали
К пращурам заморским,
Любовь к России
Удержала вас!

Я с вами встретиться мечтал давно,
Взглянуть,
Как снег ложится вам на плечи;
И вот
Осуществилась эта встреча, —
Я всю Россию
Вижу заодно!

Стою.
За мной тысячеверстный путь.
И голову я уронил на грудь,—
Задумчиво стою я перед вами.
Застыл — живой.
А вы из чугуна.
К вам обращаюсь с русскими словами,
А вот душа
Монголией полна!

ИНДИЙСКАЯ ДЕВУШКА

На лбу у девушки индийской
Сияет родинка-звезда.
Глаза у девушки индийской —
Будто глубокая вода.
Сверкает сари золотое,
Улыбка бродит по устам,
И светит бронзою тугою
Ее прелестный тонкий стан...

Всё красота в ней, совершенство:
Волшебной птичку поет,
И голоса ее блаженство
В сады запретные зовет!..
И танец девушки индийской
Течет и льется, точно мед,
Щедрее миражей гобийских...
Но сделай шаг — и ускользнет!

МОЙ ХАРАКТЕР

Когда шумит хангайский лес:
«Живи. Дыши. Вперед не забегай!» —
Захочется вдруг стужи позарез,
Такой, чтоб до костей промерз хавтгай!¹
А в январе, в гобийской тишине,
На зимнике, где ветры дуют люто
И трескаются зубы у верблюда,
Когда мороз сжимает горло мне,
Вдруг вспомнишь лето, дни иных забот,

¹ Хавтгай — дикий верблюд.

Родной Хангай увидев как воочью,
И лося пробивает жаркий пот,
Шерсть на тугих боках свалявши в клочья!
Весною степью на коне лечу,
Топча цветной ковер травинок нежных,
И почему-то осени хочу,
Заметив первый маленький подснежник.
А осенью в заснеженных горах,
Где мирно бродят гладкие косули,
Опять мечтаю о степных ветрах,
О зелени, пылающей в июле.
Прислушиваясь, как трубит олень,
Я слышу: и встревоженно и тонко,
Приветствуя степной весенний день,
Звучит с рассветом бляенье ягненка...
Таков характер мой. И жизнь мою
Мне не могла бы заменить другая.
Не смог бы никогда я жить в краю
Без гор, степей, без Гоби и Хангая.
Без той страны, с которою в ладу
И снег, и солнце, и ветра, и воды,
Где все четыре времени в году
Одновременно мне считают годы.

МОЙ СПУТНИК

Есть тень у любого. Ведется от века,
Что тень не должна покидать человека.
Она с ним до гроба шагает, как друг...
Но это не тень, а неведомый звук.
Невнятный, он схож со скрипичной струной,
Он всюду, как тень, неразлучен со мной.

Когда я родился и рос как придется
И степью скакал на лихом иноходце,
Мне счастье и горе достались в удел,
Под небом высоким я плакал и пел.
Но помню, что следовал всюду за мной
Тот голос, звенящий далекой струной.

Люблю затеряться в сиреновой чаще,
Любуясь с друзьями луною блестящей,
Люблю я окно распахнуть поутру
И солнце встречать на холодном ветру.

Но где бы я ни был — он всюду во мне
Звучит, этот голос, подобный струне.

Его услышал я впервые ребенком
В осенней степи, где играл я с ягненком...
Пришел он с Хангая, где вьюга мела,
Где юрта отцовская прежде была.
Мне мать показала на горы во мгле:
«Олени кричат на родимой земле».

Вот так услышал я тот голос впервые.
Вот так мы сдружились, как братья родные.
Всегда и повсюду тот голос со мной —
Товарищ и спутник всей жизни земной.
И значит — навек я с отчизной своей,
И значит — ничто не люблю я сильней!

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Солнце ярко вливалось сквозь прорезь окна...
Поздней осенью крепко и сладостно спится.
Но лучи, как ключи, разомкнули ресницы —
Я стяхнул неподвижную сладость сна...

Краски били в глаза. Все лучилось кругом.
Так скорее на волю из комнаты душной,
Чтобы жажду насытить прохладным питьем,
Родниковым, прозрачным напитком воздушным!

В сердце — свежая радость разбуженных сил,
Низвергались на землю дожди световые,
Этот мир первозданный я жадно любил,
Словно дверь в этот мир отворил я впервые.

Небо синью сияло бездонной, сквозной,
И ни тучки в просторе его бесконечном,
А земля ослепляла глаза белизной,
Как невеста в уборе своем подвенечном.

Словно в мире, что был так неслышанно нов,
Только две у художника сочные кисти,
Только два — и других не осталось цветов,—
Только синий и белый, нетронуто-чистый...

Первый снег! Первый снег! Первый утренний гость!
Я навстречу ему выхожу этой ранью
И к лицу подношу белоснежную горсть —
Снег подтаял и чуть потемнел от дыханья.

Первый снег первых зимних сияющих дней!
И казалось, над ним еще выше, и краше,
И светлей, и неслыханной сини синей
Небо нашей отчизны, Монголии нашей!

МОНГОЛЬСКИЕ МЕЛОДИИ

Как будто метит гладь опала
Узорным инеем алмаз,
Игла на черный диск упала,
И ввысь мелодия взвилась.

Пластинка, что сперва понуро
Плелась, верша за кругом круг,
Услышав голос моринхура¹,
Рванулась в пляс веселый вдруг.

О, как отрадно ей крутиться,
Печатать круглые шаги!
Так на воду садится птица,
И по воде идут круги.

И вьется песня паутинкой
Про новый день, про день былой,
И, словно лебедь, над пластинкой —
Головка белая с иглой.

Но все стремительнее лепет
Волн песни, и передо мной
Уже не гордый белый лебедь,
А удалой скакун степной.

Он скачет через доли, горы
И улетает от земли
Туда, где бороздят просторы
Космические корабли.

¹ Моринхур — струнный инструмент.

В бездонной тишине небесной
Парю на крыльях рядом с ним
Я, вознесен монгольской песней,
Ее дыханием храним.

Она дорогу мне открыла
В недостижимое, в мечту.
Она мне щедро подарила
Гагаринскую высоту.

Там, где лишь вечный мрак и сонность
Летающих в никуда светил,
В ее объятьях невесомость,
Как космонавт, я ощутил.

Но патефон остановили,
И замер беспокойный диск,
И умер звук, в котором были
Огромный мир, полет и риск.

А день земной так лучезарен...
Поклон творящему лучу!
Но если снова, как Гагарин,
Подняться в космос захочу,

Как русский гений в поднебесье
Вознес бесстрашие его,
Монгольский конь и наши песни —
Вот крылья неба моего.

КУПАНЬЕ ЗВЕЗД

В ночной тишине посиди у реки,
Послушай, почувствуй природу.
Увидишь, как падают звезд светлячки
В недвижную черную воду.

Сначала во мраке почти не видна,
Цепляясь за луч-парашютик,
Нырнет и назад возвратится одна,
Как будто с волною пошутит.

Потом рассмеется и воду и мрак
Разрежет руками-лучами...

Скажи, неужели не видел ты, как
Купаются звезды ночами?

За первой, отважной, слетятся к воде,
Влекумы немым ее кличем.
На каждую каплю воды — по звезде
С пронзительным телом девичьим.

Сиди, не дыши и, смотри, не шурши
Валежником, вздыбленным колко.
Купаются звезды, пока ни души
У речки,— спугнуть их недолго.

От камня кругами покрыта вода:
Споткнулась звезда и взлетела.
Как девушка, прячет стыдливо звезда
Свое обнаженное тело.

Так слейся с природой своею родной
И, радуясь воздуху, воле,
Смотри, растворенный ее тишиной,
Как звезды купаются в Толе.

ЛЕС

Ш. Сурэнжаву

Деревья...
Дремучие корни лесов...
Древесного шума и скрипа
Дрожащее эхо...
Смолистые сосны
От птичьих шумят голосов...
И длинные косы березы
Уносит по ветру...
Это —
Лесная Республика,
Интернационал,
Великий народ,
Равноправно
Сплетающий ветви.
Философ, мудрец,
Уходящий в небесную даль
И землю корнями обнявший
Издревле, навеки.

Деревья...
Лесная одежда земли.
Зеленые блики
Летят
По бесчисленным листьям.
Лепечут цветы,
Лепестки подставляя пчеле,
Весенние ливни
Блуждают
По травам волнистым.
Лукавое лето,
Осенний огонь затаив,
Проходит по чашам
И легкой рукой оставляет
Сентябрьскую охру,—
Мелькнет среди дымчатых ив,
Листком облетит
И нарядною осенью станет.

Вот дерево.
Формой похоже оно
На сердце.
Зеленое сердце трепещет,
И тысячи листьев,
Как тысячи чутких сердец,
Пульсируют соком земным
И кладут нам ладони на плечи...

Но если беда
Топором размахнется
Стальным
И в ствол беззащитный
Ударом смертельным
Вонзится —
Подрубленный,
Рухнет с высот исполин,
От шума тревожного
Вскинутся
Горные птицы...

Деревья лежат,
Словно воины,—
Раненых ряд.
Не встать им уже,
Не подняться в зеленую рать...

Но это не смерть,
Это жизни начало иной,
Где гул пилорамы
Разделит на доски бревно,
И станет оно
Дверью дома,
Игрушкой,
Окном,
Под музыку звонкую
Щелкать пойдет
Каблуком,
Зажженной спичкой
Раздвинет полночную тьму...
А может быть,
Выпадет
Доля иная ему:
Стать в юрте опорой,
Веселым вином на столе,
Седлом для монгола,
Которое служит сто лет!..

Деревья упавшие
В печке железной сгорят,
Поднимутся с пламенем ввысь,
Облака поцелуют.
Исчезнут.
Бесследно.
Лишь дымка затянет закат,
Лишь углей посмотрят глаза
Сквозь золу голубую...

И все же
Деревья
Бессмертны!
Бесчисленны их семена!
Побегами склоны взрывает
Весенней порою
И к солнцу тропу пробивает
От зимнего сна
Невидимый лес,—
Всю планету надежно укроют
Листва
Серебристых берез,
Вечных лиственниц
Мощные торсы,

Зеленые ели
И кедры —
Несметные
Братья и сестры!

Лес горный,
Лес дикий!
Ты тянешься вверх от земли,
Стремишься подняться
Над нею,
Как сын человека...
Деревья...
Вы, будто гиганты,
Минуете скалы и реки,
Спускаетесь к зною долин,
Чтоб укрыть
Опаленную землю,
И, давая приют соловьям,
Шатром распускаете зелень.

Лес...
Родина щедрых плодов.
Любимое платье планеты.
Коре, корневищам
И кронам твоим
Нужна не война,
А вода,
Не пожары,
А солнце рассветов!
Лесу люди нужны,
Точно так же,
Как лес — человеку!

СО Д Е Р Ж А Н И Е

«Цветок, прекраснейший из всех...» <i>Перевод</i> <i>Л. Букиной.</i>	3
Где я родился. <i>Перевод Л. Букиной.</i>	3
Улан-Батор. <i>Перевод Л. Букиной.</i>	5
Утро родины. <i>Перевод И. Исаева.</i>	6
Вершина Алтая. <i>Перевод М. Тарасовой.</i>	7
Картина. <i>Перевод Л. Букиной.</i>	8
Зимний воздух. <i>Перевод Л. Букиной.</i>	8
Мерцающие звезды. <i>Перевод Л. Букиной.</i>	9
Ночная гроза. <i>Перевод Л. Букиной.</i>	9
Песня лунной ночи. <i>Перевод Л. Букиной.</i>	10
Юрта. <i>Перевод И. Федорина.</i>	10
Твоя любовь. <i>Перевод И. Федорина.</i>	10
Роща у Толы. <i>Перевод Л. Букиной.</i>	11
Жене. <i>Перевод В. Ширали.</i>	12
Монголка. <i>Перевод Л. Букиной.</i>	12
Дума. <i>Перевод М. Тарасовой.</i>	13
На вершине хребта луна... <i>Перевод Р. Казаковой.</i>	13
Осеннее серебряное утро. <i>Перевод Л. Букиной.</i>	14
Ханда — имя твое. <i>Перевод Л. Букиной.</i>	14
Дождь. <i>Перевод И. Федорина.</i>	15
Ночь. <i>Перевод В. Тушновой.</i>	15
Глаза. <i>Перевод И. Федорина.</i>	16
Осенние листья. <i>Перевод Л. Букиной.</i>	16
Закон жизни. <i>Перевод Л. Букиной.</i>	17
Четверостишия. <i>Перевод И. Федорина.</i>	17
Радуга. <i>Перевод И. Федорина.</i>	18

Весенняя песня. Перевод Л. Завальнюка.	18
Саксаул. Перевод Л. Завальнюка.	19
Все голо. Нет зелени в Гоби... Перевод В. Сикорского.	19
Матери. Перевод В. Тушновой.	20
У памятника Пушкину. Перевод А. Голембы.	20
Индийская девушка. Перевод Л. Букиной.	22
Мой характер. Перевод Р. Казаковой.	22
Мой спутник. Перевод В. Тушновой.	23
Первый снег. Перевод Я. Белинского.	24
Монгольские мелодии. Перевод Р. Казаковой.	25
Купанье звезд. Перевод Р. Казаковой.	26
Лес. Перевод Л. Букиной.	27

Бэгзийн Явуухулан

ПОЛДЕНЬ

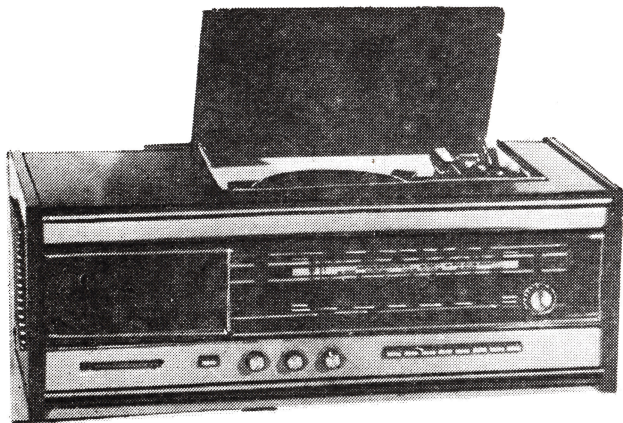
Редактор **Е. А. Антошкин**.

Технический редактор **Е. Н. Щукина**.

Сдано в набор 09.08.81. Подписано к печати 29.10.81. А 00453.
 Формат 70×108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
 Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,51.
 Тираж 100 000 экз. Изд. № 2331. Заказ № 1090. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
 газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137,
 ул. «Правды», 24.

**«КАНТАТА-204» —
НЕДОРОГОЙ И СОВЕРШЕННЫЙ АППАРАТ**

Пять диапазонов волн позволяют принимать далекие и близкие радиостанции, а трехскоростное проигрывающее устройство воспроизводит записи грампластинок всех размеров.

Радиолa «Кантата-204» обладает повышенным качеством звучания, оснащена световым индикатором точной настройки, имеет автоматическую регулировку усиления.

Цена — 120 руб.

ЦКРО «Радиотехника»

